

Из пламени и страсти

Рос. весн.- 1955 - 16 налед. - с. 7

«Мне непонятен мир, который не танцует». Так говорила Айседора Дункан, та, что подарила миру идею свободного танца, вне жестких схем классического балета. Так могла бы сказать Майя Плисецкая, исполнившая роль знаменитой подруги Есенина в балете «Айседора». Плисецкая, родившаяся на свет, чтобы сражаться, опровергать, потрясать основы. Великая балерина века, отмечаяшая в ноябре свой юбилей, - прямая наследница неукротимого духа, что является в творчестве новаторов всех времен. Тех, кто призван пролагать новые пути.

Майя КРЫЛОВА

Обаяние Плисецкой - шекспировского размаха - рождено из «пламени и страсти». Все в ней на грани, на острье - и редкого своеобразия внешность, и яркая судьба, и сценические образы, непохожие ни на кого, и непростой характер. Недавние мемуары - откровенность без берегов, жа-

строит образ от начала до конца. И зрительские отклики, столь же щедры, как щедр ее талант. 29 вызовов после спектакля - может быть, близко к мировому рекорду? Аплодисменты после «Лебедя» Сен-Сансадлятся дольше, чем сам танец - желание продлить магию? «Ангел и дьявол в одной женщине» (Сергей Образцов); «то пыление закатного солнца, то мерцание вечерней звезды»

ляющая субъективность - потрясли публику, да и балетный мир. Конкурс ее имени в Петербурге - тоже гром споров: балерина, ломающая клише, в городе-хранилище традиций классики. Сценическое долголетие Плисецкой - разрушение стандартов, феномен. И в дни московского юбилея ею обещана премьера, уже показанная в Париже, - балет Мориса Бежара «Курозука». Японский сюжет, старинная японская музыка и французский партнер - знаменитый Патрик Дюпон.

А уж ее прежние мятежные роли - Кармен (обвинения в «разнужданном эротизме»), Анна Каренина («профанация великой литературы»). Ее необычные трактовки балеринских партий («покушение на основы»)...

О ней спорили всегда. Бойцовский характер не раз спасал ее в критические мгновения. Но главным всегда был Дар. И такого масштаба, что принизить его значение не смогли ни сталинские «органы» (и это дочку репрессированных), ни «культурное ведомство» Фурцевой - сообщество специалистов по вставлению палок в колеса. Потому что на ее спектаклях замирало сердце.

Лики танца Плисецкой - как грани драгоценного алмаза: сверкают, собирая отблески в фокус совершенства. Одilia: «стихийное бедствие, оставляющее после себя развалины и пепел». Одетта: «крылаты и непокорна». Восточная царевна Мехмene-Бану: «на языке и в душе у нее польны». Джульетта: «она Капулетти, черт возьми, а не голубка». Самооценки балерины точны. Она не из тех, кто «берет» слепой интуицией. Интеллект «умного тела»

(Касьян Голейзовский); «молниеносный метеор» (заграничная рецензия). И - итоговое слово: «звезда звезд», «первая леди балета в мире».

Эпитеты всегда предельны, как пределен ее танец, тяготеющий и к «восторгу кульминации», и к бездонной нежности. Своим максимализмом Плисецкая напоминает библейских героинь - демоничную Иродиаду, героическую Юдифь. Таже полнота ощущений, терпкость страстей, антагонизм переживаний. Балерина, раздвигнувшая горизонты, всегда в поиске необыденного. Танцовщица, вносящая в известное волшебство новизны. Когда она выступала в виденных-перевиденных, «затанцованных» классических балетах - очевидность представляла как «терра инкогнита».

Потому что Плисецкая - балерина идей. Ее пластика - полный диапазон человеческого, от плоти до неба. Идеи любви и смерти. Идеи свободы (не об этом ли ее легендарный прыжок, «широкий, как полет»?). Идеи состоявшейся личности: Плисецкая доносит до нас весть о возможности совершенства.

... Гармония и разлад в искусстве XX века нечасто встречаются вместе. Или принудительная, идеологизированная гармония - или тотальный разлад, воспевающий с мрачным пафосом. У Плисецкой эти две ипостаси жизни соединяются в единственно верном сочетании: они неразрывны. Она - «надежда по ту сторону безнадежности». В ее танце - все противоречия мира. И двадцатый век нашел в ее лице самого точного летописца.

Фото Виктора Ахломова.